УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 149, кн. 4 Гуманитарные науки *2007*

УДК 94(315):94(510)

КОНФУЦИАНСКИЙ УТОПИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (современное состояние)

Д.Е. Мартынов

Аннотация

Статья посвящена исследованию воздействия традиционных конфуцианских (в том числе утопических) идеологических систем на структуры современной китайской цивилизации. Ускоренное экономическое развитие Китайской Народной Республики предполагает преобразование развивающегося государства в великую державу. При этом китайское руководство не стремится использовать концепции «догоняющего развития», а предлагает собственные стратегические модели. Одной из таких моделей является традиционный конфуцианский идеал *Да тун* (Великого Единения) в версии Кан Ю-вэя (1858–1927). Концепция *Да тун* имеет глобальные черты, пригодные для использования в качестве внешнеполитической концепции в ситуации XXI в. Вместе с тем, данную тенденцию не следует преувеличивать: влияние концепции *Да тун* на идеологический курс КПК крайне ограниченно.

Характерной особенностью китайской политической структуры является тесная взаимосвязь истории и политики. Степень «насыщенности» политики историей варьируется, но в целом подчиняется определённым закономерностям[1]. В период стабильности власти роль истории в оппозиции «история – политика» сужается, ограничиваясь кругами элиты, что выражается и в теоретических разработках, иногда – в выступлениях главы государства. В период кризиса власти компонент «история» начинает поглощать «политику», спускаясь вниз по ветвям бюрократического аппарата. Причина указанного явления – в высоком уровне обыденного исторического сознания ханьского народа [1, с. 213].

Попытка проанализировать роль концепции *Да тун* в современной Китайской Народной Республике (КНР) приводит к выводу, что конфуцианские утопические концепции активно используются в современной политической практике КНР. Такого рода концепция *сяо кан* стала частью политического арсенала КПК ещё при Дэн Сяо-пине [2, с. 65]. Связано это было, главным образом, с традиционной ответственностью китайского государства за нравственное состояние общества. Таким образом, концепция *сяо кан* как утопия, разработанная Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.), позволила, сохранив верность глубинным

[1] Вопрос мало изучен применительно к современной политической ситуации в КНР. О соотношении истории и политики при Мао Цзэ-дуне см. [3, с. 213–214].

основам китайской культуры, *результативно увязать проблему гражданской нравственности с экономическими преобразованиями* [1, с. 275–278].

Главной особенностью современной политической практики КНР является то, что данные концепции связываются с ходом китайской модернизации. На основе решений партийных и государственных органов китайские экономисты (во главе с Ма Хуном – президентом АОН КНР) разработали программу достижения «уровня средней зажиточности» [3, с. 59]. Конфуцианская риторика, связанная с концепцией *сяо кан,* не исчезла из арсенала китайских лидеров и после смены политического руководства страны при Цзян Цзэ-мине и Ху Цзинь-тао [3, с. 60–64]. Отчётный доклад Цзян Цзэ-миня на XVI Съезде КПК (8 ноября 2002 г.) был озаглавлен «Всесторонне вести строительство общества среднезажиточной жизни (*сяо кан*) и создавать новую обстановку для социализма с китайской спецификой». Сходную риторику использует Ху Цзинь-тао, ссылавшийся в своей новогодней речи 1 января 2004 г. на конфуцианскую утопическую идею «породнения с народом» [3, с. 63]. Последний факт указывает на то, что элита стремится сделать данные концепты достоянием самых широких народных масс.

Конфуцианская концепция *сяо кан* используется в контексте построения социализма в Китае, стране, где марксизм-ленинизм, а также идеи Мао Цзэ-дуна и Дэн Сяо-пина являются государственной идеологией. Это с новой силой возрождает дискуссии, начавшиеся в конце 1980-х годов. Наиболее крайние взгляды продемонстрировал тогда Тан Ин-цзе, заявив, что термин «китаизация марксизма» означает не что иное, как поглощение чуждой идеологии традиционной национальной культурой. Таким образом, вместо термина «китаизированный марксизм» должно использоваться «марксизированное конфуцианство» [1, с. 299]. Характерно, что в статье У. Кэллэхэна, вышедшей в 2004 г., данный взгляд предстаёт своего рода трюизмом [4].

Тем не менее, нетрудно заметить, что если в традиционных историософских схемах утопии *Сяо кан* и *Да тун* предшествовали одна другой [5, с. 234–235, 239], то в современных условиях они станут, скорее, друг друга взаимно дополнять. Проблема заключается в том, что идея *сяо кан*, несомненно, пригодна только «для внутреннего использования». Именно этим объясняется возрождение концепции *Да тун*, имеющей универсалистские черты, пригодные для использования в качестве внешнеполитической (притом глобальной) концепции в ситуации XXI в. Эта же концепция позволяет подвести идеологическую базу под идею «Китай – великая держава».

Подтверждение тому можно найти во всё возрастающем числе публикаций, размещённых в ведущих мировых изданиях, где утверждается, что Китай способен предложить альтернативный мировой порядок – ненасильственный ([6–8]). Ещё большее число публикаций на эту тему выпускается на китайском языке: только за последние десять лет в КНР вышло около четырёхсот статей в академических изданиях, а также основополагающая монография Лю Чжи-гуана «Пацифизм на Востоке» [9], не считая труда Ли Шао-цзюня «Введение в международную политику» [10]. Имплицитно в трудах данных авторов господствовала концепция Великого Единения (*Да тун*).

Положение учения о Великом Единении в интеллектуальной истории Китая демонстрирует нам известную двойственность. Смысл понятий *Да тун* и *Сяо кан* идентичен в том смысле, что оба этих состояния диагностировали определённый порядок вещей *внутри* Поднебесной, но не за её пределами. Различие заключается лишь в степени альтруизма, приходящегося на каждого отдельного члена общества [11, с. 100–101]. Таким образом, моральные стандарты, свойственные состоянию *Сяо кан*, ниже, чем в концепции *Да тун*, поскольку они допускают существование эгоизма. Данное понятие используется в качестве наглядной иллюстрации к построению общества «средней зажиточности».

Концепция *Да тун* не затерялась на фоне призывов к материальному благополучию. В 2003 г. партийный официоз «Цюши» поместил передицу, весьма характерно озаглавленную: «Стремиться к Великому Единению (*Да тун*), Среднезажиточному обществу (*Сяо кан*) и переменам» [4].

Китайские общественные лидеры обратились к концепции *Да тун* относительно поздно – в конце XIX в. Специализированный труд, посвящённый детальному анализу состояния *Да тун*, создал великий реформатор и учёный Кан Ю-вэй. В его понимании *Да тун* – это в буквальном смысле мир Великого Единения, в котором уничтожены все границы между классами, расами, нациями, профессиями, полами, семьями и проч. При этом мир Великого Единения ещё *предстояло создать.*

Сравнивая лапидарный текст *Ли юнь* с огромными по объёму трудами Кан Ю-вэя – *Ли юнь чжу* (Комментарий к «Ли юнь») и *Да тун шу* («Книга о Великом Единении»), поражаешься, к каким детальным выводам можно прийти, анализируя крайне неопределённый фрагмент. Это всякий раз позволяет наполнить «старые мехи» новым содержанием, что и демонстрируют нам современные исследователи, например Ли Шао-цзюнь [4].

Ряд западных аналитиков полагают, что данная тенденция являет нам «глубинные течения» в сознании современного китайского руководства, в частности демонстрируя отход от «экономического примитивизма» эры Дэн Сяо-пина [4]. Основанием для такого вывода служит анализ авторства 400 статей, посвящённых терминам *Да тун* и *Сяо кан*, вышедших в КНР за период 1995–2005 гг. Существенное число статей, опубликованных, повторимся, в академических изданиях, были направлены, например, социологическими лабораториями провинциальных университетов, аналитическими центрами различных китайских НИИ, даже армейскими структурами и партшколами, во многом альтернативными академической среде КНР. Однако, несмотря на количество, содержание этих работ стандартно. Чаще всего это комментирование известных античных цитат, хотя встречаются работы, пытающиеся проводить параллели с трагическими страницами истории Китая XX в. Интересно, однако, что некоторые материалы, размещённые в журнале «Цюши» (преемнике маоистского официоза «Хунци»), проводят «водораздел» между понятиями *Да тун* и *Сяо кан* в современном употреблении как разницу между социализмом научным и утопическим. Основной пик этих дискуссий пришёлся на середину 1990-х гг.

Интересный блок материалов посвящён анализу идеологических и нормативных связей конфуцианской традиции и коммунистического строительства в КНР. Иногда сравнение производится не только между китайской древностью

и современностью, но и между восточной и западной цивилизацией. Примечательно, что сохраняется официальное негативное отношение к Западу. Западная цивилизация воспринимается как источник зловредного для Китая социал-дарвинизма, рабства, миссионерской проповеди, «дипломатии канонерок» и капитализма. С другой стороны, Запад подарил Китаю социализм – от «Утопии» Т. Мора до самого марксизма-ленинизма.

Основным лейтмотивом остаётся проблема синтеза социализма, в том числе утопического, с китайской традицией. В этом плане чрезвычайно интересна статья Ли Юн-го «Исследование сущности и влияния древнего учения о Великом Единении» [12]. Ли Юн-го указывает, что ни один из великих реформаторов Китая XX в. – ни Кан Ю-вэй, ни Сунь Чжун-шань (Сунь Ят-сен), ни Мао Цзэ-дун – не избежал влияния идеи *Да тун*. Объясняется это тем, что в сознании нации идея Великого Единения была символом исторической закономерности будущего процветания страны.

Характерно, что из перечисления «выпал» Цзян Чжун-чжэн (Чан Кай-ши), который, став Президентом Тайваня, вынужден был проделать путь, поразительно напоминающий материковый. После банкротства своего социально-экономического курса лидеры Гоминьдана были вынуждены радикально пересмотреть идеологические основания своего режима. Таким образом в 1972 г. появился «План *сяо кан*, или Программа ликвидации бедности в провинции Тайвань» [3, с. 57].

Похожую точку зрения демонстрирует Цянь Гэн-сэнь в статье «Конфуцианская мысль и мировое развитие в XXI в.»: «Конфуцианский идеал *Да тун* имел огромное влияние на наше общество на всём протяжении истории. *Да тун* было идеальной целью всех социальных реформаторов и революционеров, особенно крестьянских вождей Нового времени, таких, как Хун Сю-цюань, буржуазных реформаторов, как Кан Ю-вэй, и революционных лидеров, как Сунь Чжун-шань… Наша борьба за мир во всём мире и развитие в XXI в. вдохновляется конфуцианским социальным идеалом Великого Единения» [4].

Таким образом, мы выходим на роль концепции *Да тун* в формировании идеалов Мао Цзэ-дуна, как известно, отождествившего понятия *Да тун* с мировым коммунизмом [13, с. 6]. В поле нашего зрения имеются две статьи, в которых указывается, что Мао Цзэ-дун в период формирования его мировоззрения находился под сильным влиянием конфуцианства вообще и теории *Да тун* в частности. Прямо соотносятся с концепцией *Да тун* утопические эксперименты 1950-х годов, особенно «народные коммуны». Гуань Жэнь-фу заметил, что терминология Мао времён «Большого скачка» включала многие элементы теории *Да тун*. Можно признать Великое Единение своего рода «интеллектуальным мостом» между китайскими восстаниями и революционным марксизмом. Статья двух авторов из пров. Ганьсу – Сун Чжи-мина и Лю Чэн-ю заканчивается практически тем же выводом: именно конфуцианская утопия *Да тун* и позволила китайскому народу избрать социалистический путь [4].

Следование данной логике приводит нас к выводу: интеллектуальная история Китая, в частности история утопической конфуцианской концепции *Да тун*, тесно связана с китайской современностью и историей КПК. Следующий шаг в рассуждении таков: в XXI в. будет официально признана преемственность социалистической идеи от китайской традиции, но не марксизма-лени-

низма или иного зарубежного влияния. Уже сейчас можно усмотреть тенденцию восприятия китайской революции как части эволюционного прогресса китайской цивилизации, а не как результата противоречий в развитии империализма и навязывания опыта чуждой цивилизации.

Вместе с тем, данную тенденцию не следует преувеличивать: влияние собственно концепции *Да тун* на идеологический курс КПК крайне ограниченно. Идеал *Да тун* подвергается самой широкой критике, что напоминает борьбу утопического и научного социализма в XIX в. Современная китайская социалистическая теория признаёт себя марксистской, то есть научной, в противоположность социализму Сен-Симона, Оуэна и Фурье, который был утопическим, то есть мыслился как завершение хода истории и успокоения социальных сил.

Таким образом, утопия *Да тун* критикуется за её «ограниченность», ибо эта разновидность утопического социализма проросла из сельскохозяйственного общества Совершенномудрых государей Яо и Шуня и Конфуция. Упоминавшийся Цянь Гэн-сэнь писал, что «идея *Да тун* не отражает законов объективного развития общества» по той причине, что идея эта вдохновляла крестьянские мятежи, которые не следовали историческим предписаниям Маркса-Энгельса и председателя Мао [4]. Ли Юн-го даже назвал появление идеи Великого Единения «трагедией», ибо «понятия «Великого спокойствия» (*Тай пин*) и Великого Единения сдерживали общественное разделение труда и сдерживали энергию рабочего класса» [12, с. 19]. Более того, согласно Чэнь Цзянь-хуа и Чжуан Сяо-луну, преждевременная попытка осуществления Великого Единения породила трагедию «народных коммун» и Культурной революции. «Утопическая идея золотого века *Да тун* серьёзно препятствует развитию производительных сил и приводит к отступлению [от идеалов социалистического строительства]» [14, с. 48]. Таким образом, при обращении к идее Великого Единения следует либо сразу её отбрасывать как утопически-социалистическую, или же следовать принципу историзма, помещая её в определённый (временной) контекст. Но здесь-то ход рассуждений Чэнь Цзянь-хуа и Чжуан Сяо-луна делает резкий поворот, ибо утверждается, что хотя теория *Да тун* не в состоянии заместить и заменить марксизма-ленинизма, но именно она описывает завершающую стадию истории, как её понимали Маркс и Энгельс. «Мы приходим к выводу, что понятие Великого Единения создано на основе наивного рационализма. Исторически оно послужило знаменем революционной борьбы, и в этом – его положительный вклад в исторический прогресс. Однако теория Великого Единения слаба в научном анализе законов развития человеческого общества. Это всего лишь идеалистическое описание общества будущего, ибо оно не направлялось истинной научной теории при своём создании, и никто не знает, как его осуществить. Поэтому исторически эта теория ограниченна. Мы должны правильно разъяснять массам понятие коммунизма, делая это через разъяснение построения социализма с китайской спецификой. Только тогда мы сможем действительно реализовать общечеловеческие идеалы гуманизма» [14, с. 48].

Указанные особенности свидетельствуют о существовании как минимум двух фракций в современных китайских интеллектуальных кругах, в равной степени использующих теоретический арсенал концепции Великого Единения в марксистско-ленинских дискуссиях.

Summary

D.E. Martynov. Confucian Utopianism in the political theory of the People's Republic of China (current condition).

The paper regards the influence of traditional Confucian (including utopian) ideological systems on structures of the modern Chinese civilization. The accelerated economic development of the People's Republic of China assumes transformation of a developing state into great power. Thus, the Chinese leaders do not aspire to use the concept of "catching up development", and offer their own strategic models. One of such models is traditional Confucian ideal *Da tong* (Great Unity) in the Kang Yu-wei's (1858–1927) version. The concept *Da tong* has global features, suitable for use as a foreign policy concept in the 21st century situation. At the same time, the given tendency should not be exaggerated: influence of the concept *Da tong* on an ideological rate of CCP is extremely limited.

Литература

1. *Мартынов Д.Е.* Конфуцианское учение и маоизм. Из истории социально-политической теории и практики Китая XX в. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 368 с.
2. *Делюсин Л.П.* Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. – М.: Муравей, 2003. – 208 с.
3. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и комм. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2004. – 431 с.
4. *Callahan W.A.* The Next Big Idea: Great Harmony and Chinese IR Theory [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.siis.org.cn/english/journal/2004/3/elt36/, свободный.
5. *Мартынов Д.Е.* Конфуцианский утопизм как фактор развития материкового Китая в XX в. (введение в проблему) // Либеральные и тоталитарные образы истории: Сб. науч. ст. / Науч. ред. Р.М. Гибадуллин. – Казань, Набережные Челны, 2006. – С. 231–240. – (SOCIO-ВЕРСИЯ: Альманах. Вып. 2).
6. *Yongjin Zhang*. System, Empire and State in Chinese International Relations // Review of International Studies. – 2001. – No 27. – P. 43–63.
7. *Tiejun Zhang*. Chinese Strategic Culture: Traditional and Present Features // Comparative Strategy. – 2002. – V. 21, No 2. – P. 73–80.
8. *Ken Qingxin Wang*. Cultural Idealism and Chinese Foreign Policy // Asian Thought and Society. – 2001. – V. 27, No 77. – P. 126–147.
9. *Лю Чжи-гуан*. Дунфан хэпинчжуи: юаньци, любянь цзи цоусян (Пацифизм на Востоке: происхождение, развитие и будущее). – Чанша: Хунань чубаньшэ, 2002. – 253 с.
10. *Ли Шао-цзюнь*. Гоцзи чжэнчжисюэ гайлунь (Введение в международную политику). – Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1992. – 585 с.
11. Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2 т. / Сост. Ян Хин-шун. – М.: Мысль, 1973. – Т. 2. – 384 с.
12. *Лю Юн-го*. Янь-ди – Шэнь-нун шидай: Да тун сысян чжи юань – ляньлунь гудай «Да тун»-дэ шичжи цзи ци инсян (Эпоха императоров Янь-ди и Шэнь-нуна – источник идеи Великого Единения: исследование сущности и влияния древнего учения о Великом Единении) // Лилунь юэкань. – 1994. – № 5. – С. 17–19.
13. *Мао Цзэ-дун*. О диктатуре народной демократии (Статья, переданная агентством Синьхуа, написана автором в связи с 28-й годовщиной Коммунистической партии Китая, исполнившейся 1 июля с. г.). – М.: Госполитиздат, 1949. – 16 с.

14. *Чэнь Цзянь-хуа, Чжуан Сяо-лун*. Шилунь Да тун сысян дэ лиши июнь цзи ци цзюсянсин (Пределы и ограничения идеи Да тун) // Цюши. – 2000. – № 1. – С. 45–55.

Поступила в редакцию
08.10.07

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и экономики Востока Института востоковедения Казанского государственного университета.

E-mail: *dmitrymartynov80@mail.ru*